

О том, что происходило той ночью, когда двое предавались неге, вспоминать уже не стоило. На следующий день, как только Хань Чжу дождался своего господина, он принялся хлопотать по хозяйству и собирать вещи. Узнав, что скоро предстоит путь домой, мальчишка сиял: он буквально подпрыгивал при ходьбе, тихонько напевал песенки и улыбался каждому встречному.

Настроение Тан Цинфэна было куда сложнее. Он мечтал поучиться у Кун Лина, не ради богатства, а просто чтобы научиться грамоте, уметь написать прошение или вести свои дела, не прося никого о помощи. Но теперь, когда Кун Лин уезжал, частная школа закрывалась. Где еще найти такого доступного и доброго учителя? По сравнению с радостью Хань Чжу, на челе Тан Цинфэна залегла тень печали.

Во время урока Кун Лин объявил ученикам о своем отъезде. В классе поднялся шум, и, видя, что ребята потеряли всякий интерес к занятиям, учитель отпустил их пораньше. Перекинувшись парой слов с Цинь Фаном о том, что хочет прогуляться, он позвал Тан Цинфэна с собой.

Городок был невелик, но по-своему уютен: без столичной суеты, зато с особым местным колоритом. Две пересекающиеся улицы, вымощенные синим камнем, делили его на четыре района с говорящими названиями: Верность, Сыновняя почтительность, Гуманность и Справедливость. Вместе они составляли девиз, который, вероятно, отражал все надежды основателя поселения.

Пока они шли, Тан Цинфэн вдруг понял, что дорога до боли знакома — это же путь к его дому. Он взглянул на Кун Лина, но тот лишь загадочно улыбался, не давая объяснений. Полный вопросов, юноша мог лишь следовать за ним.

Когда они дошли до берега реки, где обычно ловили рыбу, Кун Лин остановился. Тан Цинфэн, зазевавшись, с размаху врезался ему в спину. Хотя до крови дело не дошло, ноющая боль еще долго не отпускала.

— Мы пришли. Дальше води ты, — сказал Кун Лин. — Мне нужно поговорить с кем-то из взрослых о том, что делать с тобой, когда я вернусь в столицу.

Вот это да, он действительно подумал об этом!

— Ох, — только и смог выдавить из себя Тан Цинфэн.

Видя его состояние, Кун Лин сощурился от улыбки:

— Неужели так сильно болит?

— Да не то чтобы болит, просто ноет, — ответил юноша, украдкой разглядывая учителя.

Трудно было поверить, что этот хрупкий на вид человек в белоснежных одеждах обладает такими крепкими мышцами — словно в камень врезался. Интересно, кто из них с Цинь Фаном в их паре главный, а кто ведомый? Пока Цинфэн предавался своим фантазиям, они дошли до двора семьи Чжэн.

После того как они постучали, изнутри послышались шаги, и вскоре появилась госпожа Чжэн. Увидев гостей, она вежливо пригласила их войти. Когда Кун Лин уселся и отпил ароматного чая, хозяйка осторожно начала разговор:

— Господин Кун, неужели мой Цинфэн натворил что-то, раз вы привели его домой?

Кун Лин поспешно проглотил чай и покачал головой:

— Нет, он очень смывленный и хороший мальчик. Дело вовсе не в этом.

— Вот именно, тетушка Чжэн! Я уже давно не тот несмысленный, который вечно влипает в неприятности, не стоит меня недооценивать! — вставил свои пять копеек Цинфэн.

— А ну цыц! Иди поиграй, взрослые разговаривают, — одернула его госпожа Чжэн, а затем вновь повернулась к учителю с сияющей улыбкой.

Глядя на эту перемену, Цинфэн почувствовал одновременно волнение и грусть. Раньше, когда учителя приходили с визитами, его мать вела себя точно так же — суежилась, боясь, что гость останется недоволен, и из-за этого будет предвзято относиться к ее сыну. Чтобы сдержать наворачивающиеся слезы, он задрал голову и принялся считать балки на потолке.

— Прошу прощения, но по личным обстоятельствам я больше не смогу преподавать, — Кун Лин встал и отвесил глубокий поклон. — Мы договаривались, что Цинфэн помогает мне по хозяйству, а я обучаю его, но теперь это невозможно. Пришел принести извинения.

Госпожа Чжэн поспешила подняться, чтобы не принимать поклон, и ответила взаимностью:

— Господин, вы слишком добры. Для Цинфэна было честью учиться у вас, а если не сложилось — значит, такова судьба. Мы не смеем вас винить.

Цинфэн наблюдал за этим обменом любезностями, как за представлением в театре, пока они наконец снова не уселись по местам.

— Есть еще один вопрос, который я хотел бы обсудить, — начал Кун Лин прямо. — Поскольку родители Цинфэна давно скончались, я решил посоветоваться с вами.

— Говорите, господин. Если это что-то хорошее, я буду только рада за него, — госпожа Чжэн подлила ему чаю.

— За время нашего общения я убедился, что Цинфэн — способный, сообразительный и рассудительный юноша. Я хочу забрать его с собой в столицу.

Эти слова вызвали у госпожи Чжэн смешанные чувства. Радость — ведь в столице у него будет гораздо больше перспектив, чем в этом захолустье. И тревогу — ведь он еще так молод, как он справится один?

Кун Лин понимал, что ей нужно время на раздумья, и терпеливо ждал, потягивая чай.

Цинфэн же едва не подпрыгнул от восторга. Столица! Это же совершенно другой мир, полный диковинных лакомств, красивых пейзажей и, конечно, интересных людей. Однако, остыв, он начал рассуждать трезво: в каком качестве он поедет? Личного слуги? Ученика? Если слугой, то на карьере можно ставить крест — вечная подача чая и мытье кистей не позволят сдать государственные экзамены. А вот если учеником — тогда совсем другое дело.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь легким звоном чашки, которую Кун Лин поставил на стол.

Посмотрев в окно и заметив, что день клонится к вечеру, учитель поднялся. Когда они с Цинфэном провожали его до ворот, Кун Лин добавил:

— Цинфэн, оставайся пока здесь, со мной ехать не нужно. Я пробуду здесь еще три-пять дней, если возникнут вопросы — приходи.

Проводив учителя, госпожа Чжэн принялась за ужин и позвала Цинфэна помочь с очагом.

<http://bllate.org/book/21782/2252370>